

МАСТЕРА РУССКОЙ СЦЕНЫ

Иван Михайлович Москвин

Семья старого часовщика Москвина жила в самом центре Москвы, в так называемом «городе» за Китайской стеной. Жизнь текла патриархально, медленно. За Китайской стеной обитали «Кит-Китычи» — из племени, описанного Островским.

Детские впечатления навсегда врежутся в память и чувства Ивана Михайловича Москвина: и заунывное пение нищих-бродяг, и рассказы о «праведниках», и теплые летние ночи на дорогах, и мерная речь постаринке живущих мужичков, и пьяная удалая загулявших в трактирах купчиков. Все это — давнее, незабываемое, детское — воскреснет с неожиданно яркой силой в годы артистической зрелости.

По сложным семейным обстоятельствам вышло так, что старик Москвин мог дать настоящее образование одному лишь сыну — Михаилу, Ивану же пришлось кончить горьдовское училище да прослушать годичный курс бухгалтерии.

Иван Михайлович в 16 лет ощущал себя «коммерческим человеком», но коммерции сильно мешал театр. Первая доза театрального «яда» была проглочена в театре Корша. Здесь играла тогда первоклассная труппа во главе с В. Н. Давыдовым. Билет на галерку стоил 20 копеек, и уж, разумеется, не пропустил Москвин ни одного утренника, трепетно впитывая в себя сладкую театральную отраву. Но еще сильнее было впечатление от Малого театра. Только бывать на спектаклях Малого театра приходилось Москвину редко: здесь галерка стоила уже 35 копеек — цена, малодоступная для молодого человека по бухгалтерской части!

Москвина неудержимо потянуло на сцену. Решил держать экзамен в школу Малого театра. Он читал «Песнь о вещем Олеге» Пушкина, читал со всем пылом молодого увлечения и вдруг, неожиданно, на четвертом стихе ему сказали:

— Довольно, благодарим вас.
И это было сказано ни кем иным, как его любимцем А. П. Ленским!

Две недели болел Москвин этой обидой. Он был убежден, что его не поняли и не оценили, и потому решил попробовать еще раз. Пошел в Филармоническое училище, читал басню «Осел и соловей». Крылов, как говорится, вывел. Москвин был принят. Но прошло полгода, и руководитель курса Вл. И. Немирович-Данченко, после полугодичного испытания, заявил, что оставаться Москвину в школе бесполезно, так как нет у него данных быть артистом. Впрочем, взглянув на победившее лицо Москвина, выскативший Владимир Иванович смирился — разрешил продолжать заниматься.

Москвин стал работать с таким прилежанием, с таким усердием, с такой страстной жаждой познания, что скоро укрепился в классе. На выпускном экзамене он с очень большим успехом сыграл ряд разнообразнейших ролей: доктора Ранка в «Норе» Ибсена, Вальзаминова в комедии Островского, Чирикова в «Старых годах» Шпагинского и Жоржа Дандена — Мольера.

Кончив школу, Москвин тотчас же получил приглашение участвовать в пьеске Г. Н. Федотовой, собиравшейся на гастроли в Тамбов. А. И. Вишневский «сосватал» его в эту пьеску. В Тамбове Москвин играл в «Басилисе Мелентьевой» три роли: Бориса Годунова, мужика-донесчика и врача Бомелия. Роли были в стихах. Юный актер растерялся, все перепуталось у него в голове. Когда вышел в Борисе Годунове, от волнения ничего не мог сказать — слова из всех трех ролей смешались в причудливый клубок. Наступила длинная пауза. Москвин так и не мог сказать первой фразы — за него проговорил реликву громким голосом Вишневский, стоявший за кулисами. На смерть перепугался Москвин, и следующую роль — мужика-донесчика, которого приводит к самому Ивану Грозному, играл с таким настоящим страхом в душе, что монолог его прерывали дважды аплодисментами. Ему было тогда 21 год.

Пьеска кончилась в июне, а с сентября Москвин начал службу у З. А. Малиновской в Ярославле. За один сезон исполнил 50 ролей, некоторые из них были большими: Аркашка в «Лесе», Оргон — в «Тартюфе», Жорж Данден. Второй свой профессиональный сезон он провел в театре Ф. А. Корша. Здесь играл воеводичных дедушек, папаш и дядюшек.

В 1893 году Вл. И. Немирович-Данченко стал собирать своих бывших учеников по Филармонии. Вл. И. Немирович-Данченко и К. С. Станиславский открывали «Московский художественно-общедоступный театр».

Нужно ли говорить о том, с какой радостью пошел Москвин на зов учителя. С этой минуты вся жизнь Москвина пошла по иному руслу. Судьба его решилась раз и навсегда. Актер Художественного театра «первого призыва», он остается на его сцене по сей день, являясь ее гордостью и славою на протяжении сорока лет.

II

Шесть актеров Художественного театра на даче в Пушкине, где шли репетиции, готовили роль Царя Федора. На первое место как будто бы выходил Адашев. У остальных пятерых, в том числе и у Москвина, роль не ладилась. Занимался о нем К. С. Станиславский. — Вл. И. Немирович-Данченко был в отпуску. Вернувшись, Владимир Иванович о великом для себя огорчении узнал, что нет у Москвина шансов играть Федора. Но Владимир Иванович, уверенный в Москвине, стал работать с ним, и результат оказался блестящим: выбор К. С. Станиславского остановился на Москвине.

Когда 14 октября 1893 года родился Художественный театр, о котором говорят, что он разделил всю историю русского театра на два периода — до появления МХТ и после его создания, — в этот же вечер премьеры «Федора Иоанновича» родился и Москвин, как актер, которому суждено будет сказать новое и веское слово в истории русского сценического реализма.

«Москвин, в парике в скобку, с жиденькой бородкой, говорит слабо — в иных местах еле слышно, слегка нараспев, подычково и с изумительными, ему свойственными московскими, кремлевскими, стародавними интонациями», — писал один из критиков спектакля и утверждал, что «такого человека, как Москвин, — как потом обнаружилось, крупнейшего актера — нужно было бы сто лет выискивать и не найти для того, чтобы такой не сыграл, а просто вышел на сцену, как подлинный, телом слабый, духом романтический царь Федор».

За 30 лет службы в Художественном театре переиграл Москвин множество ролей. В их разнообразном списке есть роли лирические, как роль Федора, роли трагические, как Арнольд («Михаил Крамер») и Освальд («Привидения»); есть роли ярко комические — Елихов в «Вишневом саду», Бобчинский в «Ревизоре». Широкий размах дарования Москвина — от обезумевшего Отермана в «Драме жизни» до потрясающего железную клетку Пугачева и стихийного в разгуле своем Хлынова в «Горячем сердце».

Лукавый старичек Лука в горьковском «На дне» и наивный офицерик Роде в чеховских «Трех сестрах»; тупой, пенужный в своей «честности» доктор Львов в «Иванове» и гнусно хихикающий Загорецкий в «Горе от ума»; умирающий от чахотки жалкий Касьянов в найденновских «Степах» и показанный в романтическом ореоле пуш-

кинский Самозванец; ласковый Кот в «Синей птице» и штабо-капитан Снегирев-«Мочалка», с его трагическим «фокус-покусом» в «Братях Карамазовых»; «живой труп» — Федя Протасов и страстотерпец наследства Прокофий Пазухин; елейный Фома Фомич Опискин в «Селе Степанчикове» и «себе на уме» Городничий в «Ревизоре». Какое разнообразие типов и образов, какое творческое богатство.

Были в этой удивительной галлее роли, не удавшиеся Москвину, как, например, Самозванец, была роль мало его характеризующие, — вроде какого-нибудь Коромылова в андреевской драме «Екатерина Ивановна»; были роли недоработанные — Освальд в ибсеновских «Привидениях», но и на них тот глубоко индивидуальный отпечаток, который выражает основные элементы москвинского творчества; и прежде всего непосредственность таланта, отсутствие каких бы то ни было посторонних влияний и воздействий.

В артистической манере Москвина следует отметить его необычайное умение выпукло оттенить какую-нибудь одну, особенно рельефную черту персонажа: вкус к мучительству, самостоятельности, к надрыву — в штабо-капитане Снегиреве; жилистая, упругая, крепкая воля к стяжательству с буйным размахом в манеру торжества и с хорошо наигранной приниженностью в момент поражения — в Порфире Пазухине; спокойная уверенность в торжестве разума и справедливости — у профессора Горюхастова в «Любови Яровой».

Но эти особенно рельефные черты и черточки умеет Москвин сложить в образ огромной типичности, в образ глубоко реалистический, при чем образы Москвина почти всегда приобретают характер большого социального понятия. Так, он не только играет Хлынова, но передает и «хлыновщину», т. е. интонацию Нодрев в исполнении Москвина дает нам вполне законченное представление о «ноздревщине» и т. д. С особенной выразительностью это сказывается в одной из самых блестящих ролей Москвина — в Фоме Фомиче Опискине, в этом усложненном типе «русского Тартюфа» — ханжи, лицемера, мелкого негодяя.

III

Шафос и лирика. Трагедия и эпос. Вот границы творчества Москвина. И часто комическое перерастает в трагическое. Так

было, например, с Епиходовым в «Вишневом саду». Вот наблюдает Епиходов сцену кокетства Дуняши с лакеем Янкой. Москвин — Епиходов жует яблоко. Но жует он его так, что являет вид не только полной растерянности, но и глубокой драматичности. В этом контрпункте, «читавшем Бокля», раскрывается как бы аародыш Отелло — Отелло, обманутого в своей доверчивости! Страдающее лицо, как и лицо комическое, показывает Москвин с глубочайшим проникновением и в драматическую и комическую сущность роли: умирающий Федя Протасов также незабываем, как и Нодрев, вставший в позу Наполеона.

Говоря о Москвине-актере, как не вспомнить о Москвине-чтеце. Москвин, читающий «Хирургию», «Лошадиную фамилию», «Хамелеона», «Злоумышленника» Чехова, раскрывает комические образы Антоши Чехонте с такой же выразительностью и силой, как и образы Антоша Чехова, играемые на сцене. Впрочем, Москвин никогда не читает в прямом значении слова. Он свое чтение всегда иллюстрирует жестом, и иногда одной только «игрой лица» — разнообразнейшей своей мимикой — он и без слов доносит весь аромат юмора.

Творчество Москвина — глубоко реалистично. Образы его — народные, тональности их мажорна и светла.

Москвин-художник неотделим от Москвина-гражданина. «Москвинский» темперамент сказывается в той общественной работе, которую он ведет всегда с такой горячностью. Великие годы побед социалистической революции дали Москвину приток новых сил. С глубокой искренностью говорит он о процессе своего роста как гражданина СССР. Делегат исторического Чрезвычайного VIII Съезда Советов, утверждавшего Сталинскую Конституцию, член редакционной комиссии, работавший над текстом этого величайшего в истории человечества документа, кандидат в члены Верховного Совета — вот замечательные этапы того пути, по которому идет И. М. Москвин. И несомненно, что свои голоса избиратели Фрунзенского района города Москвы, города, с которым кровно связан Иван Михайлович, отдадут ему, замечательному художнику и верно сыну великой родины.

Юр. Соболев